

которую сам Вирт не отделял от темы урбанизма. В этом тексте, развивающем идеи его более ранней работы «Урбанизм как образ жизни», содержится немало интересных мыслей о природе современного общества, которое он понимал как городское общество. Форма отчета о проделанной работе несколько затрудняет восприятие его теоретического содержания. Предисловие к мангеймовской «Идеологии и утопии» — полноценный очерк по социологии знания (или, как предпочитал называть ее Вирт, «социологии интеллектуальной жизни»). В этом тексте можно обнаружить развернутую программу развития социологии знания, интересную даже по сегодняшним меркам²². Преувеличивать значимость этих текстов не стоит, но и преуменьшать тоже. Вирт — очень яркий и интересный автор. Чтение его очерков может быть только полезным. Сколько из них будет вычитано, зависит не только от самих текстов, но и во многом от читателя.

²² Даже сделанные вскользь замечания порой имеют глубокий смысл, как, например, замечание о важности социологического изучения библиотек. См. специальный номер журнала «Новое литературное обозрение», посвященный библиотекам и архивам (2005, № 74), где можно найти развернутую иллюстрацию того, что Вирт имел в виду.

Л. ВИРТ

ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ*

Те, кто стремится достичь прогресса в познании социального мира через усердное накопление фактов, возможно, ошибаются не меньше тех, чей взор прикован только к космическим обобщениям. Мы не можем выявить факт, не постулировав заранее рамку соотнесения (*frame of reference*), внутри которой он имеет место, а также некоторый набор критериев, по которым мы опознаем его и отличаем его от фантазии. В то же время мы не можем прийти ни к какому надежному обобщению, имеющему хотя бы какое-то отношение к реальным людским проблемам, не отталкиваясь от каких-то предшествующих обобщений, которые мы модифицируем так, чтобы в них были учтены конкретные новые факты опыта, которые мы открываем. Прогресс в социальной науке, как и в других областях знания, наиболее вероятен тогда, когда мы смотрим на то, что внешне явлено нам как беспорядочное нагромождение фактов, с какой-то относительно новой точки зрения или когда расширяем и дифференцируем наши перспективы так, чтобы вовлечь в поле зрения упрямые факты, до тех пор сопротивлявшиеся рациональному анализу в уже существующих перспективах. Таким образом мы ставим какие-то относительно новые вопросы и, возможно, приближаемся к каким-то новым ответам. Дайте нам подходящую точку опоры, и тогда у нас появится надежда понять — если уж не перевернуть — мир.

Помещение урбанизации западного мира в центр нашей перспективы дает нам основания надеяться на достижение новых пониманий. Но дабы никто не счел, что я предлагаю просто предаться кабинетной научной игре в «ку-ку», в которой одна перспектива ничем не лучше любой другой, позволю себе уточнить, что есть веские основания выбрать для нашего анализа современной социальной сцены платформу урбанизма. То, что мы называем цивилизацией, в отличие от культуры, было выпестовано в городе; город — это центр, из которого влияния современной цивилизованной жизни расходятся круговыми волнами во все концы земного шара, и точка, из которой они контролируются; постоянные проблемы современного общества обретают

* Перевод выполнен по источнику: *Wirth L. The Urban Society and Civilization // 1126: A Decade of Social Science Research. Chicago, 1940. P. 51–63.*

свою наиболее острую форму в городе. Проблемы современной цивилизации — это типично городские проблемы.

Хотя кого-то и можно было бы убедить в том, что выдвигать урбанизм как центральную тему значительной части текущих социально-научных занятий вполне законно, они, возможно, склонялись бы к утверждению, что он, в конце концов, конституирует лишь одну из многих возможных точек зрения, при которой много важного и интересного в социальной жизни человека остается не объясненным и еще больше подвергается искажению. Но это, вероятно, касается в равной степени и любой альтернативной концепции, призванной интегрировать высокоспециализированные и обширные интересы социальных ученых. Между тем сам факт, что население сегодняшнего мира является в значительной мере городским, а процесс урбанизации и образ жизни, с ним согласующийся, за короткое время радикально преобразили весь западный мир, предполагает, что почти любое значимое утверждение, которое может быть выдвинуто по поводу нынешнего общества, будет содержать урбанизм как один из своих каузальных терминов. Более того, почти любое утверждение, призванное объяснить проблемы, затрагивающие наши культурные ценности, с необходимостью должно будет включать современную городскую социальную структуру либо в качестве независимой, либо в качестве зависимой переменной. И наоборот, попытка понять город неизбежно выводит нас на основные аспекты цивилизации.

Возможно, кому-то из читателей эти комментарии покажутся простыми рационализациями, состряпанными *post factum* для оправдания того, что было сделано случайно. Я бы не стал преуменьшать тот факт, что, разрабатывая эту перспективу, социальные ученые нашего университета имели перед глазами пульсирующую жизнь неудержимо растущего метрополиса, в котором они жили, и были склонны, хотя бы ради экономии исследовательских усилий, так формулировать вопросы, чтобы для ответа на них можно было пользоваться наблюдениями, сделанными буквально со ступенек крыльца собственного дома. Однако и они, и другие социальные ученые, работавшие в других местах, вскоре обнаружили, что конкретные и непосредственные социальные проблемы Чикаго и лежащие в их основе процессы являются в существенных своих чертах проблемами и процессами каждого города, что они на самом деле типичны для всего нашего индустриализованного, урбанизированного мира и что они, если должным образом их проанализировать, покажут, что представляет собой этот космос (или хаос) двадцатого века и как он таковым стал.

Изучение города предложило себя как решающее не только для научного понимания самого города, но также для понимания сегодняшнего социального порядка в некоторых более широких его аспектах и управления им. Несмотря на интеллектуальный и практический вызов большого города, в котором обитали социальные ученые, их небольшая компания, собранная

здесь в 90-е гг. XIX в., могла, конечно, и дальше следовать проторенными путями традиционной учености, которые практиковались в то время европейскими и американскими университетами. Случилось, однако, так, что наш университет был основан в то время, когда этот феноменально растущий город был еще очень молод и когда социальные дисциплины, в особенности социология и политическая наука, еще только начинали искать эмпирическую базу вместо поклонения тем поспешно сформулированным грандиозным системам, которые прежде над ними довели. Следовательно, почти с самого зарождения университета социально-научная группа здесь обратилась к тем обыденным, но интересным проблемам, которые обрушились на домашнее, экономическое и политическое тело города Чикаго. Одним глазом они посматривали на традиционную теорию, а другим деловито наблюдали распростершийся перед ними живой город. С самого начала нашей недолгой жизни в качестве академического учреждения теория и эмпирические исследования никогда не разлучались и взаимно обогащали друг друга.

Спустя всего два года после того, как университет открыл свои двери, появилось два документа, подготовленных членами его факультета социальной науки. Хотя сегодня они вполне могут показаться нам курьезами, они служат также свидетельствами раннего и устойчивого интереса к изучению городской жизни. Одним из этих документов был «*Катехизис социального наблюдения*» Чарльза Ричмонда Хендерсона¹, вторым — отчет об американском городе Альбиона У. Смолла и Джорджа Винсента². Вскоре за этим последовала работа Чарльза Зюблина о муниципальных проблемах и управлении, а к началу Первой мировой войны целое поколение студентов, изучавших экономику, политику и социологию, уже было посвящено в тайны исследования городской социальной структуры. Однако лишь в 1915 г. появились первые свидетельства зарождения согласованной исследовательской программы, ибо в этот год Роберт Э. Парк опубликовал статью, озаглавленную «Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде»³, призванную привлечь внимание к возможностям эмпирических исследований и дать систематический корпус гипотез для будущего социального ученого, которого можно было бы на достаточно долгое время выманить из библиотеки, дабы он увидел городскую жизнь собственными глазами. Интеллектуальный фермент, разбуженный этой (не-стандартной для того времени) статьей социолога, чуткого ко всему новому, или, скорее, журналиста, получившего обширную и основательную подготовку в области философии и социальной науки, начал по-настоящему

¹ *Henderson C. R.* Catechism for Social Observation. Boston, 1894.

² *Small A.W., Vincent G.* An Introduction to the Study of Society. N.Y., 1894.

³ *Park R.E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // *American Journal of Sociology*. 1915. Vol. XX. P. 577–612.

обретать форму только к концу войны. Тем временем на свет явилась целая серия докторских диссертаций, тематика которых простиралась от описаний социальных проблем на Скотных дворах до «Изучения великосветской жизни Чикаго»⁴. В целом они строились по образцу новаторских исследований американских общин, начатых в 1883 г. университетом Джонса Хопкинса и опубликованных под редакцией Герберта Б. Адамса, но отличались от них тем, что базировались не на чтении книг, а на непосредственных наблюдениях жизни. Нельзя сказать, что чикагские исследования были забывчивыми в отношении того, что было сделано раньше. Имеются обильные свидетельства того, что эти многообещающие социальные ученые были знакомы с классическими трудами сэра Генри Мэна, Тённиса и Дюркгейма. Активно читалась книга Чарльза Бута «Жизнь и труд населения Лондона»⁵; исследования супругов Узбб и Джеймса Брайса владели людскими умами, в особенности занимая тех, кто отслеживал политическую атмосферу в городе. Разоблачительные опусы «разгребателей грязи» жадно прочитывались, вызывая волну бледных подражаний; и в то же время уже добились признания более прозаичное, хотя, пожалуй, и более научное социальное обследование.

Кое-чего, однако, недоставало, пока не проявило себя воодушевляющее влияние профессора Парка. Речь идет о связанном корпусе понятий, который давал бы подходящую оптику для формулировки проблем и отбора, описания и систематической интерпретации фактов. Здесь оказались весьма полезными в качестве общих ориентиров категории, включавшие такие полярные понятия, как статус и договор, симбиоз и консенсус, общность и общество, механическая и органическая солидарность. Более того, в первые три десятилетия нашего века ни один исследователь американской городской сцены не мог не обратить внимания на тот факт, что явленное общественному вниманию в виде городского беспорядка, было отчасти симптомом «болезни роста» порядка, совершившего за короткий отрезок времени, охватывающий всего пару-другую поколений, скачок от простого аграрного уклада к сложному городскому индустриализму. Факты этого развития были достаточно хорошо известны и даже статистически задокументированы в таких работах, как «Рост городов в XIX веке» Адны Ф. Вебер⁶. Однако фундаментальные факторы, ответственные за рождение городской цивилизации в Америке, и метод, адекватный для постижения странных новых форм, принимаемых социальной жизнью в городских центрах, еще только предстояло найти.

⁴ Thomas James Riley. A Study of the Higher Life of Chicago (Ph.D. thesis, Chicago, 1904).

⁵ Booth C. Life and Labour of the People in London. N.Y., 1903.

⁶ Weber A. F. The Growth of Cities in the Nineteenth Century. N.Y., 1899 (Columbia University Ph.D. thesis).

К счастью, финансовая помощь со стороны фондов не только послужила катализатором, в подходящий момент кристаллизовавшим исследовательские интересы, сложившиеся в умах таких людей, как Парк и Мерриам, в связные исследовательские программы, которые до тех пор зависели от весьма скромной поддержки, не всегда к тому же наличествовавшей, но и привела к появлению беспрецедентной в академической истории организации, созданной специально для содействия социально-научным исследованиям. Речь идет о Комиссии по исследованию локального сообщества (Local Community Research Committee), взявшей за освоение *terra incognita* города Чикаго. Но хотя Чикаго и был главным центром, в котором развернулась работа, внешние границы, к счастью, никогда не уточнялись. За период с 1923 г., когда Комиссия приступила к работе, по 1929 г., когда ей было предоставлено это здание*, была завершена целая серия пионерских исследований, отчет о которых десять лет назад был представлен в книге Т.В. Смита и Л.Д. Уайта, озаглавленной «Чикаго: опыт социально-научных исследований»⁷.

Минувшее десятилетие принесло нам новые замечательные достижения. То, что рассматривалось тогда как опыт, увенчалось корпусом организованного знания, выходящим своими импликациями далеко за пределы локальной сцены, и исследовательскими методами, заслужившими признание социальных ученых во всех уголках мира.

Один из поразительнейших контрастов между городским и сельским образом жизни, описываемый в литературе, — это разница между обществами, основанными на родстве, и обществами, основанными на территории. Признание важности этого различия пробудило интерес к пространственному порядку городской жизни, возникающему из плотной концентрации больших масс людей на компактной территории, а также к тому, как люди и институты размещаются относительно друг друга в этих условиях. В последнее десятилетие возникла и получила широкое распространение фактически новая дисциплина в корпусе социальных наук — человеческая экология. Благодаря исследованиям Парка, Бёрджесса, Маккензи и других физическая структура различных естественных ареалов и сообществ, образующих физический каркас городского мира, а также экологические процессы концентрации, дисперсии, сегрегации и сукцессии людей, институтов и культурных черт, происходящие внутри него, стали выявляться с помощью весьма точных количественных показателей, позволяющих проводить сравнения между городами. Господство города над окрестностями стало выявляться через все более расширяющийся радиус его влияния в экономических, политических и культурных делах. Было показано, что не только наши политические единицы в пределах города часто в значительной мере не совпадают с

* Настоящий текст был прочитан в качестве доклада в здании LCRC. — Прим. перев.

⁷ Smith T.V., White L.D. Chicago: An Experiment in Social Science Research. Chicago, 1929.

экологическими и культурными ареалами, но и сам город, имея соответствующее жизнеобеспечение, превращается в конце концов в метрополис, поскольку действительная орбита его жизни стремится вырваться за пределы юридически установленных статичных границ. В итоге на периферии каждого растущего города мы получаем ничейную землю, в которой отсутствует какой-либо социальный контроль, и это объясняет значительную часть наших пустых трат, нашего беспорядка и наших проблем. Конкретно это выражается в неразберихе правительственных учреждений и, соответственно, в многочисленности пересекающихся и конфликтующих друг с другом служб и властей. Исследования этого типа, проведенные здесь, включают исследования организации здравоохранения, налогообложения, маркетинга, транспортного обслуживания, полицейского контроля, образования, водоснабжения, судебных учреждений; политические и административные импликации этих исследований были подытожены Чарльзом Мерриамом и его коллегами в книге «Управление меторополисным регионом Чикаго»⁸; сейчас мы пытаемся синтезировать их с экономическими и социологическими исследованиями и свести в одну книгу, которая могла бы стать основой для целостного плана развития меторополисного региона (metropolitan region) Чикаго.

В последние годы, поскольку эти проблемы приняли в Чикагском ареале острую форму, мы переключились с детального анализа локальных сообществ внутри города на более широкие секторы и зоны меторополисного региона. Понятие меторополисного региона, отчасти благодаря нашим стараниям, закрепилось достаточно прочно, и это позволило подвергнуть анализу и истолкованию многие из нелегких проблем, вызываемых ростом города и усложнением его взаимосвязей с окрестностями. Связное представление данных о городских ареалах и их росте в региональном масштабе уже доказало свою незаменимость для решения практических проблем землепользования, жилищного строительства, транспортного обслуживания, коммунальных услуг и планирования. Гипотеза, из которой исходят эти региональные исследования, состоит в том, что в экономическом и социальном отношении меторополисный регион Чикаго фактически являет собой единое целое, которому до сих пор не уделялось должного политического и административного внимания по причине относительной непоколебимости юридически установленных границ. Проблема управляемости в этом регионе, в решение которой мы старались внести свою лепту, сводится к тому, как перенести в политику и администрирование то единство, которое уже существует в экономической и социальной сферах. Благодаря счастливому совпадению интересов мы увидели наши локальные и региональные исследования спроецированными на общенациональный масштаб через сотрудничество с Национальной комиссией по ресурсам, итогом которого стала серия публика-

⁸ Merriam C.E. et al. The Government of the Metropolitan Region of Chicago. Chicago, 1933.

ций об урбанизме⁹; последние, в свою очередь, были взяты за образец многими странами, коих коснулась волшебная палочка урбанизации. Таким образом, мы содействовали признанию стратегической важности города для общенационального благополучия или неблагополучия.

Город — не просто точка, где в ограниченном пространстве скапливается большая людская масса; это еще и собрание людей, демонстрирующее самую необычайную гетерогенность почти во всех характеристиках, в которых люди могут друг от друга отличаться. В этом отношении город представляет, быть может, самую разительную противоположность тем социальным сущностям (entities), которые мы называем примитивными, народными или крестьянскими обществами. Следовательно, методы, подходящие для понимания населения метрополиса, кардинально отличаются от методов, приспособленных к более простым и гомогенным обществам. Этим объясняется тот факт, что, пытаясь понять город, мы были вынуждены прибегнуть к обширным статистическим исследованиям с целью определения человеческих элементов, из которых он состоит. Они, как и во всех других обществах, различаются по полу и возрасту, но вместе с тем демонстрируют своеобразное распределение по возрастным и половым группам и огромные вариации в этих параметрах от одного ареала к другому. Они очень отличаются друг от друга по роду занятий, ввиду более широкого разделения труда, ставшего возможным благодаря развитию рынка. Они отличаются по благосостоянию и доходу, занимая разные положения в диапазоне, на одном конце которого мы находим крайности изобилия, а на другом — глубины ужасающей нищеты и необеспеченности. Более того, в силу своего центрального положения в комплексе капиталистической цивилизации город вовлек в свои пределы расовые и этнические группы со всего мира, более или менее амальгамировал их и, перемешав их черты, создал новый агрегат гибридов, которые где-то живут вперемешку, а где-то сегрегируются друг от друга, где-то сотрудничают, а где-то враждуют, но в любом случае выстраивают комплекс культур, не имеющих прецедентов в человеческой истории. Эта гетерогенность человеческого материала в городе является источником как творческого брожения и стимуляции, так и трений и конфликтов, характерных для современного общества.

Для того чтобы постичь этот агрегат, столь несовершенно спаянный в социальное единство, мы обратились первым делом к детальному анализу всех тех доступных для исследования характеристик, по которым жители города отличаются друг от друга. Чикаго был одним из первых городов, который стал предоставлять социальным ученым богатые материалы переписей в форме, в которой они поддавались строгому анализу. Комиссия по социально-научным исследованиям (Social Science Research Committee) старани-

⁹ Our Cities: Their Role in the National Economy. Washington, 1937; Urban Government. Washington, 1939.

ями Бёрджесса и его коллег создала для нас настоящую сокровищницу базовых материалов, которые использовались не только для теоретических, но и для практических целей. В нашей монографии о населении метрополисного региона Чикаго, которая скоро должна выйти в свет, мы включили в описание и классификацию, строящуюся на основе мелких переписных участков и локальных сообществ; более широкие секторы и зоны, составляющие метрополисный регион; а также спроецировали текущую ситуацию в будущее, исходя из опыта и обстоятельств, объясняющих замедление темпов роста и перераспределение людей в направлении от центра к окраинам. Ясно, что только безличный язык статистики способен справиться со столь впечатляющими массовыми феноменами.

Однако для более близкого знания населения города — знания, которое не поддается выражению через такие показатели, как уровни рождаемости и смертности, половой состав, средняя арендная плата, гражданство, грамотность, уровень образования, профессиональная принадлежность, расовое и этническое происхождение и т.п., — невозможно, а при наших современных познаниях и нет необходимости изучать каждого. Взамен этого мы обращаемся к анализу репрезентативных выборок — процедуре, к которой не приходится обращаться в случае меньших по размеру агрегатов и менее гетерогенных сообществ, таких, с какими привыкли работать антропологи. Вместе с тем социальный ученый — поскольку он имеет дело с людьми в их взаимосвязях и обществами, т.е. не просто с количественным агрегатом, а с сетью притязаний и ожиданий, которая связывает людей, — вынужден изобретать особые методы, приспособленные к изучению именно этих феноменов, которые являются социальными, в отличие от физических, и имеют, наряду с внешними, внутренние аспекты. Это требует общения, опроса, интервью и того, что обрело известность как «человеческие документы». Начиная с исследования Томаса «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹⁰ и по сей день наши социально-научные исследования бьются над вопросом, как сделать эти человеческие документальные материалы поддающимися научному толкованию. Целая серия книг, сочетающих в себе процедуры статистического исследования, *case study* и полевого наблюдения, удостоверяет прогресс, достигнутый в совершенствовании метода, который был бы как можно более точным и в то же время не ограничивался внешними сторонами человеческой жизни, а был пригодным для понимания осмысленного поведения (*meaningful conduct*) и социальных ценностей.

Один из самых разительных контрастов между сегодняшним городским миром и сельским и примитивным прототипом, из которого он развился, можно увидеть в очень разных социальных структурах, характерных для этих двух идеально-типических полюсов существующих и исторически существ-

вовавших обществ. Аномальная ситуация, символичная для городской жизни, состоит в наличии тесной физической близости между людьми при огромных социальных дистанциях между ними. Это принципиально изменило основу человеческой ассоциации и оказало сильнейшее давление на черты человеческой природы, сформированные более простыми социальными организациями¹¹.

Само выживание многомиллионных масс людей вдали от пригодной для возделывания почвы предполагает обширный технологический аппарат, являющий собой триумф современной естественной науки и инженерного искусства. Эти технологические нововведения, сделавшие города возможными, в то же время постоянно их переделывают. Так, если паровая энергия собрала нас в плотные скопления, то электричество способно нас перераспределить и рассеять. Технологическая революция, лежащая в основе развития городской цивилизации из доиндустриального народного общества, никоим образом не завершилась. Хитроумные и высокоэффективные машины, на которых зиждется современное общество, несут с собой как благотворные, так и дезорганизующие влияния. Вероятно, никто из социальных ученых не внес в изучение социальных аспектов изобретения и технологии так много, как Уильям Ф. Огборн. Возьмем семью. В простом обществе она была поистине социальным микрокосмом, но, как показал Огборн, под воздействием современной технологии ее структура и функции изменились. И действительно, изучение семьи в городе есть изучение не столько ее организации, сколько процесса ее дезорганизации. Бёрджесс и его студенты Маурер, Фрейзер и другие весьма подробно проанализировали эти импликации городской жизни и подкрепили свои выводы внушительными массивами данных, эмпирически почерпнутых в семейных типах, находимых в разных расовых, национальных и экономических мирах города Чикаго.

Совсем недавно мы приступили к серии систематических исследований социально-экономической стратификации городского общества. Здесь мы обнаруживаем, что экономическая, социальная и политическая надстройка, выстраивающаяся на экологическом и технологическом базисе, подтверждает прежние гипотезы, что в ходе урбанизации и индустриализации западного мира рождается новая форма социальной организации, новая социальная структура, для которой характерны безличные отношения и в которой наиболее значимой связующей силой является денежная связь. Вместо родства и традиции интерес и идеология начинают служить тем цементом, который скрепляет человеческих индивидов в эффективно работающие группы. Связи между людьми тяготеют к деперсонализации, так что никто в городе буквально ничего не значит, разве что его голос может выступать от имени какой-нибудь организованной группы. Исследования тред-юнионизма и

¹⁰ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, 1918; N.Y., 1927.

¹¹ Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. XLIV (July). P. 1–24.

коллективного торга, проведенные Миллисом и его учениками, наглядно документируют это обобщение, а исследования наших политических ученых показывают эту же тенденцию в сфере политики. Исследования электорального процесса и политического лидерства Мерриам и Госнелла показывают мучительный процесс перехода, связанный с попытками заставить наши формы представительной демократии, родившиеся в деревнях Новой Англии, работать в современных многоязычных городах.

Наши социологи, между тем, занимались не только семьей, но и другими социальными институтами и структурами. Они стремились понять различные профессиональные группы, как то: медиков, юристов, агентов по купле-продаже недвижимости, церкви и деноминации, рекреационные и культурные службы, а также организации, создаваемые со всевозможными, соответствующими всем мыслимым человеческим интересам целями ради того, чтобы дать действенное выражение потребностям и устремлениям городского человека. Более века тому назад один проникательный француз, де Токвиль, уже указал на расцвет всякого рода добровольных организаций в американской жизни¹². Сегодня мы, опираясь на собственные исследования, обнаруживаем, что одну из крупных проблем города порождает тот факт, что людей интересуют цели, относительно которых беспристрастный наблюдатель заключил бы, что они не отвечают их интересам. Несмотря на сложную сеть добровольных ассоциаций, вырастающую в городе, рядом с нею всегда сохраняется остаток подвижных неорганизованных масс, который может стать жертвой динамичных лидеров и захватывающих лозунгов и оказывается беззащитным перед напористыми группами давления, попадая под воздействие современных инстанций формирования мнений, коими теперь в первую очередь являются уже не школа и церковная кафедра, а скорее газета, кино и радио. Если исследования социально-экономической стратификации и добровольных ассоциаций в городе, которыми мы сейчас занимаемся, окажутся настолько успешными, насколько нам хотелось бы, то мы сможем надежнее, чем прежде, описать генезис проблем коллективного действия в нашем современном городском обществе, факторы, которые ими управляют, и те приспособления в нашей институциональной жизни, которые необходимы для того, чтобы с ними справляться. Многие из этих новых форм социальной организации уже нами проанализированы: фондовая биржа, кредитный рынок, частные и государственные корпорации, профессиональная организация, секта, клуб и политическая партия. Исследования Уайта в области государственного управления, особенно управления кадрами в государственных учреждениях, и исследования Леланда в области государственных финансов демонстрируют рост научного знания, в основу которого

¹² *Tocqueville A. de. Democracy in America* (trans. Henry Reeve). Rev. ed. N.Y., 1899. Vol. II. P. 114. (См. рус. перевод: *Токвиль А. Демократия в Америке*. М., 1992. С. 378.)

положено эмпирическое изучение влияния нового городского образа жизни на функционирование государства.

Между тем, предметом систематического анализа для наших социальных ученых становились не только базовые процессы, но и практические проблемы, возникающие там, где традиционные институты и механизмы контроля рушатся под ударом городской жизни. Исследования Бёрджесса и его учеников, посвященные делинквентности, преступности, сумасшествию, самоубийству и семейной дезорганизации, исследования Дугласа по безработице, исследования политических ученых на темы взяточничества, боссизма и коррупции, а также многочисленные вклады, внесенные факультетом «Школа управления в сфере социального обслуживания» в развитие практических методик работы с теми проблемами, которые поджидают человека в пока еще непривычной для него городской среде, подняли наши методы решения социальных проблем с уровня магии на те уровни, где во главу угла ставится рациональная процедура.

Исследование всех этих характерно городских феноменов опиралось на материал, которого прежде по большей части попросту не было или которым пренебрегали, поскольку считали не подлежащим научному изучению. В ходе попыток собрать этот материал разрабатывались новые методы, которые часто оказывались пригодными для более широкого использования. Обычно мы не могли или не хотели продолжать сбор рутинных материалов там, где они уже не могли служить дальнейшим научным целям или где эта функция могла быть передана другим службам, располагающим более адекватными ресурсами и непосредственно ответственным за их сбор. Так, эксперименты с регистрацией социальной статистики, начатые МакМилленом и Джетером, зашли достаточно далеко, после чего были переданы в ведение государственной службы; теперь они стали регулярной функцией правительства. То же касается и дорогостоящей публикации материалов переписей, с которой мы тоже экспериментировали. В новаторском проекте «*История Чикаго*»¹³, реализуемом под руководством мисс Бесси Л. Пирс, схожим образом делается ставка на нахождение новых путей. Он нацелен на то, чтобы продемонстрировать возможность использования данных локальной истории при помощи методов современного исторического анализа. Его открытия будут важны как общий фон для всех других социально-научных исследований, но вместе с тем его важность выходит за рамки просто исторической информации, которую он нам предоставит. Он будет, особенно для последних периодов истории Чикаго, лишь схематично набрасывать общие контуры городского развития, оставляя другим ученым задачу наполнения этих контуров монографическими содержаниями, которые в конце концов сложатся в мозаику. Это будет еще одной демонстрацией того, что история цивилизации

¹³ *History of Chicago*. Vol. I. N.Y., 1937; Vol. II. N.Y., 1940.

может быть написана в терминах истории городов и что наши американские города, конституирующие наряду с прочими современными городами фронт цивилизации, являются частями и продуктами экспансии Европы.

Для революций характерно, что они не распознаются до тех пор, пока не достигнут своих финальных драматических стадий. Это полностью применимо к революции в социальной жизни, превратившей мир, в котором мы живем, из ряда относительно обособленных локальных, простых ремесленных, статичных, кастовых обществ в единый, взаимозависимый, сложный, технологичный, динамичный и внутренне высокодифференцированный космос. У нас все еще много культур, но цивилизация у нас одна. Город – символ этой цивилизации. Мы либо подчиним себе эту угрожающе сложную сущность, либо погибнем под ее обломками. Общую жизнь для благородной цели, о которой некогда говорил Аристотель, вероятно, лучше всего – как, видимо, показывает человеческий опыт – вести в городах. К этой цели, требующей в качестве первой своей предпосылки научного понимания основополагающих процессов этого нового образа жизни, как раз и направлены наши исследования.

Пер. с англ. В.Г. Николаева